

l'Auteur cum figuris et additionibus, que seroit agréable au public» (100).

Переводческая работа Консетта отразилась в его письмах к Яблонскому. Уже 22 апреля 1724 г. он сообщал: «...ad Te misurus Versionem Anglicanam Regulationis Spiritualis in his Oris Synodus». Там же упомянут и перевод так называемой «Московской старославянской грамматики» («*Slavonica Moscoviensi Grammatica latine reddita*») (84). Яблонский с удовлетворением пометил на полях письма: «*Quod fuerit, gratum erit*». Однако в письме от 4 августа Консетт жаловался на то, что у него нет переписчика и поэтому он не может пока выслать обещанные списки («*versiones*»). 19 января следующего года он снова упоминает о своем переводе православного катехизиса: «*Tres libri in Regulatione spirituali promissi sunt, quorum unus solummodi Catechismus scilicet Typis adhuc mandatus est, cujus versionem additurus sum*» (88). Кроме того, англичанин присылает русский текст и свой латинский перевод «Плачевного книг целования» Яворского — «*Catologus librorum ... scriptum quasi poeticum, elegicum Carmen*» (85).¹⁴

Берлинское общество наук получило от Консетта в марте 1725 г. собственноручный список проповеди «*Concio congratulatoria de Augustissima Imperatrice Catharina nuper Moscuæ coronata*», которая была произнесена им перед английской общиной в Петербурге 30 июля 1724 г. Консетт сообщал там же, что, по совету друзей, он преподнес текст проповеди царю, который повелел сделать ее русский перевод. Этот список с различными поправками был обнаружен П. Н. Берковым в библиотеке Петра I. Немецкая Академия наук располагает, таким образом, еще одним авторским экземпляром проповеди.

Надежда Консетта на издание этого произведения по-английски или по-латыни не осуществилась. Яблонский, несмотря на самые добрые намерения («*curabo et hoc*»), переслал дальше лишь английский вариант. Как явствует из письма Консетта, этот вариант имел специальное дополнение, в котором делались намеки на английские политические отношения («*Controversia ... repretuæ Turbae...*») (86).

Английский проповедник и литератор разделял со всеми жившими в России иностранцами, которым были близки идеи Просвещения, искренний восторг перед деятельностью Петра. Когда барон Гюйссен предложил ему перевести на латинский язык «Слово на годовщину смерти Петра Великого» рязанского архиепископа Гавриила Бужинского, он выполнил эту работу в кратчайший срок. П. Н. Берков предположил, что Бужинский издал в Берлине латинский перевод своей речи на собственные средства. Материалы архива подтверждают эту гипотезу. Гюйссен писал Яблонскому 6 августа 1726 г.: «*J'espère que Vous aurez reçu ma*

¹⁴ Там же, стр. 7—10.